

— Я всего лишь хочу спокойной жизни, господин Фу. Взгляни на себя: даже твои родственники хотят тебя убить. Если я буду с тобой, разве не обреку себя на кучу проблем? Разве мои близкие не попадут в беду?

Чэн Сяожань не дал Фу Чжичжо сказать ни слова, продолжая:

— Кроме того, если тебя подставили, и ты из-за этого переспал с кем-то, я не хочу в будущем постоянно разруливать подобные неприятности.

— Я обещаю, что такое больше не повторится, Сяожань. Я буду защищать тебя. Мои чувства к тебе искренни, я серьёзно настроен.

Чэн Сяожань поднял взгляд к небу:

— Господин Фу, ты серьёзен, а разве я нет? Разве ты думаешь, что твоя серьёзность обязывает меня дать тебе шанс? Господин Фу, если бы это услышала какая-нибудь девушка, она бы расплакалась от умиления, но я чётко вижу преграды между нами.

«Мирские суждения, общественное мнение, сопротивление наших семей, беспокойство родителей и родственников — разве всё это можно просто взять и преодолеть одной только защитой?»

«И только потому, что Фу Чжичжо сказал, что он серьёзен, я должен рискнуть всем ради него?»

«Смешно, Фу Чжичжо. Что в тебе такого особенного, чтобы я мог ради тебя на столько пойти?»

«Самое забавное, что Фу Чжичжо сегодня сказал ему такие слова. Но из-за кого? Из-за него самого или... из-за того, кто уже умер?»

Фу Чжичжо понял, что он имел в виду, и дыхание его на мгновение остановилось.

Чэн Сяожань медленно освободил свою руку, его взгляд был холодным и пронизывающим:

— Господин Фу, не знаю, почему я удостоился твоего внимания, и я, конечно, польщён, но у меня к тебе нет никаких чувств. Мне нравятся девушки, Синьлэй. Я чётко понимаю, что хочу нормальный брак, хочу завести детей с женщиной. Возможно, тебе стоит найти того, кто сможет ради тебя рискнуть всем, кто готов отказаться от всего ради тебя. А я, очевидно, на это не способен.

Чэн Сяожань бросил на него равнодушный взгляд, развернулся и ушёл. Фу Чжичжо не двинулся с места, но вдруг произнёс:

— Это был ты в ту ночь, да?

Чэн Сяожань остановился, опустил голову и беззвучно рассмеялся. Так и есть.

— Ты внезапно покинул дом Ван, после чего полностью опустил и даже бросил учёбу. Это из-за той ночи, да?

Чэн Сяожань повернулся, его взгляд стал ещё холоднее, чем прежде:

— Господин Фу, ты слишком много надумываешь. Я покинул дом Ван, потому что внезапно заболел, после чего у меня начались постоянные головные боли, и я понял, что не могу

продолжать работу репетитора. Моё уныние и отчисление из университета были вызваны состоянием здоровья. Если у тебя нет доказательств, пожалуйста, не строй такие абсурдные предположения. Это заставляет меня думать, что ты не способен нести ответственность, а также вызывает во мне отвращение... к ощущению, что меня используют как замену.

Последние слова были его самой искренней мыслью.

«Если Фу Чжичжо проявил к нему интерес из-за той ночи, то кем он тогда стал?»

«Фу Чжичжо испытывал чувства к изначальному хозяину тела, а теперь, когда он занял его место, разве он не стал любовником? Не превратился ли он в полного самозванца?»

«Он не сам выбрал вселиться в это тело. Он не считал, что убил "Чэн Сяожаня", и не чувствовал себя обязанным ему. Тот сам хотел умереть, сам отказался от жизни.»

«Он принял семью "Чэн Сяожаня", потому что считал, что, раз уж он занял его тело, обязан выполнить его обязанности. Чэн Сяожань, который легко отказался от своих близких, чтобы избежать проблем, — он взял на себя заботу о них.»

«Он принял ребёнка в своём животе, потому что не мог позволить себе потерять эту маленькую жизнь. То, что "Чэн Сяожань" считал чудовищем, он защищал как сокровище. Он верил, что это была компенсация свыше за потерю его собственного ребёнка.»

«Но должен ли он принять и партнёра "Чэн Сяожаня" по той ночи? Ха, он же не дурак, чтобы подбирать чужое!»

«Ложные чувства, унаследованные от другого, он презирал. Лэнс Ксавьер не был лишён любви! Даже если он когда-нибудь полюбит кого-то, это будет только при условии, что этот человек будет полностью предан ему, только ему, без каких-либо примесей, готовый подарить своё сердце, прозрачное, как стекло.»

«Или, если посмотреть с другой стороны, "Чэн Сяожань" не смог принять факт своей беременности и покончил с собой. А на следующий день человек, который был виновником его состояния, отправил людей искать его. Как же несправедливо он умер! Потом, вернувшись домой, он обнаружил, что в генах его семьи заложена такая функция, и он вовсе не чудовище. Его отец даже защитил бы его. Как же несправедливо он умер!»

«А потом ребёнок, семья, будущее — всё это было занято чужим духом. Даже мужчина, который ему нравился, теперь заботился о том, кто занял его тело... Если бы у "Чэн Сяожаня" всё ещё была душа, если бы он всё ещё мог осознавать происходящее, как бы он смирился с этим?»

Чем больше Чэн Сяожань думал об этом, тем больше он чувствовал себя низким. Он даже начал испытывать лёгкую ненависть к своему нынешнему положению.

«Всё, что у меня было, я получил от другого человека. У меня было достаточно способностей, чтобы добиться всего самостоятельно, но теперь я стал вором. Все доброта и любовь, которые я получал, были направлены на другую, слабую и беспомощную душу.»

«Даже Фу Чжичжо, который, как я думал, не имел никакого отношения к изначальному хозяину тела, этот друг, с которым я, казалось бы, познакомился самостоятельно, оказался связанным с тем, кто уже умер.»

«Я так много сделал, так старался адаптироваться к этой роли, но что, если однажды правда откроется? Все, узнав, что я не настоящий Чэн Сяожань, отвернутся от меня без колебаний?»

«Даже тот ребёнок, которого я так бережно защищал, — разве он имеет ко мне какое-то отношение? Это ребёнок "Чэн Сяожаня". А мой собственный ребёнок, моя кровь, моя драгоценность, уже превратился в кровавое месиво в другом мире, так и не увидев этот свет.»

Чем больше он думал об этом, тем сильнее становились его негативные эмоции. Ментальная сила в его сознании бешено вращалась, окружающий воздух казался немного искажённым. Ненависть, которую он считал уже разрушенной, снова начала собираться, становясь всё тяжелее и сильнее.

«Я ненавижу. Ненавижу, что меня никто не любит, что никто не бывает искренен со мной. От прошлого к будущему, от прошлой жизни к этой, я столько отдал, но в конце концов всё оказалось пустым.»

Его глаза покраснели. Он закрыл их, затем резко открыл, глядя на Фу Чжичжо, стоящего внизу на склоне, который теперь казался ниже его. Его взгляд был тёмным, как чернила, с холодными искрами:

— Я не хочу слышать этих слов снова, Фу Чжичжо. Не заставляй меня ненавидеть тебя.

Он развернулся и вернулся в своё жилище. На столе лежали бумага и ручка. Он схватил ручку и начал бешено писать.

Лэнс Ксавьер

Лэнс Ксавьер

Лэнс Ксавьер

Сначала он заполнил страницу иероглифами, затем снова и снова написал своё имя на языке звёздной федерации. Бумага была испещрена беспорядочными строками, отражая его нынешнее состояние души. Он бросил ручку, глядя на заполненную страницу, закрыл глаза и тихо засмеялся.

«Это имя, которое я так ненавидел, эта фамилия, это прошлое, которое я презирал, — оказались единственным, что у меня было. В этом мире у меня нет ничего, даже имя украдено. И сейчас, только написав это имя, я могу почувствовать хоть какую-то связь с собой.»

«И единственное, что я действительно имел, что принадлежало только мне, — это, пожалуй, лишь искренность Авраама в юности.»

«Какая ирония!»

Он свалился на кровать, словно обессиленный, закрыв глаза тыльной стороной руки.

Тень высокого вишнёвого дерева у входа медленно двигалась, птицы в горах щебетали, а прохладный ветерок порциями задувал в дом.

— Сяожань? — осторожно позвала Чэнь Синьлэй у двери.

Она наблюдала за ним уже некоторое время. Молодой человек просто лежал, закрыв глаза, не двигаясь, и от него исходило что-то мрачное, что вызывало беспокойство.

Автор имеет в виду: Психологический путь Сяожаня, конечно, полон негатива. Попав в новый мир, он, конечно, испытывает много тревоги, просто раньше он этого не показывал. Когда он преодолеет этот трудный период, он снова вернётся к нормальному состоянию!

Кроме того, между ним и господином Столиком (Фу Чжичжо) больше нет недопонимания. Я не очень люблю писать драматические недопонимания, но Сяожань не так легко примет кого-то. У него есть свои принципы. На этот раз откровенность Фу Чжичжо не только не расположила его, но и ещё больше разозлила. Путь к его сердцу долг и тернист.

<http://bllate.org/book/16650/1525611>